

М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова*

**ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
М.М. ХВОСТОВА**

M.V. Novikov, T.B. Perfilova

**FORMATION OF M.M. KHVOSTOV'S SCIENTIFIC
WORLDVIEW**

Аннотация. Предметом данного исследования являются некоторые особенности научного мировоззрения М.М. Хвостова (1872–1920), внесшего серьезный вклад в формирование нового образа исторической науки, в изучение различных аспектов истории Древнего мира. Делается попытка выявить корреляцию между рядом теоретико-методологических подходов к изучению истории М.М. Хвостова и трех главных его учителей — профессоров Московского университета П.Г. Виноградова, В.И. Герье, В.О. Ключевского. Впервые исследование проведено на основе компаративного анализа основных научных трудов М.М. Хвостова и его наставников. Отмечается заимствование у П.Г. Виноградова позитивистской гносеологии и исследовательской парадигмы, что не означало, тем не менее, их простого копирования. В творческом наследии М.М. Хвостова просматриваются рецепции взглядов и идей В.И. Герье: об органичности исторического процесса, о недопустимости как недооценки, так и переоценки роли личности в истории, об особенностях конструирования образа истории. Следуя в целом правилам историко-социологического дискурса В.О. Ключевского, М.М. Хвостов демонстрировал собственные представления о развитии общества, развил идеи своего наставника о движущих силах исторической

---

* *Новиков Михаил Васильевич*, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Novikov Mikhail Vasil'yevich, Doctor in History, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head, Department of Theory and Methodology of Professional Education, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
+7-903-690-45-95; novikov@yspu.org

Перфилова Татьяна Борисовна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Perfilova Tatiana Borisovna, Doctor in History, Professor, Leading Research Fellow, Department of Theory and Methodology of Professional Education, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University
+7-909-281-75-45; m.novikov@yspu.org

эволюции. Он искал подтверждения повторяемости экономических циклов в истории народов древности, стремился понять принципы исторического детерминизма. Вслед за В.О. Ключевским М.М. Хвостов признавал решающую роль экономического фактора в историческом процессе, соотнося с ним все остальные изменения в жизни общества. В результате исследования доказано, что принадлежность учителей М.М. Хвостова к различным течениям российской исторической мысли не могла не сказаться на его подходах к решению узловых вопросов философии и гносеологии истории. Эклектизм и противоречия становятся очевидными при сопоставлении отдельных положений, представленных в его трудах разных лет. Тем не менее, М.М. Хвостов имел собственные научные приоритеты, был оригинальным исследователем, стремился адекватно реагировать на интеллектуальные вызовы рубежной эпохи XIX–XX вв. и вносить коррективы в свои теоретические представления.

Ключевые слова: М.М. Хвостов, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, В.О. Ключевский, методология исторического исследования, Московский университет.

Abstract. This study focuses on some features of the scientific outlook of M.M. Khvostov (1872–1920), who made a serious contribution to the formation of a new profile of historical science, as well as to the study of various aspects of the history of the Ancient world. The authors attempt at finding the correlation between a number of Khvostov's theoretical and methodological approaches to the study of history and the ones employed by his three main teachers, professors of Moscow University P.G. Vinogradov, V.I. Guerrier, and V.O. Klyuchevsky. For the first time, the study is based on a comparative analysis of the main works by Khvostov and his teachers. It is noted that he resorted to (though not imitated) Vinogradov's positivist gnoseology and research paradigm. Khvostov's creative heritage reveals reception of Guerrier's views and ideas on the organic nature of the historical process, the inadmissibility of under- and overestimation of the role of the individual in history, and peculiarities of constructing the image of history. Following in general Klyuchevsky's historical and sociological discourse, Khvostov demonstrated his own ideas about the social development, developed the concepts of his teacher concerning the driving forces of historical evolution. He searched for evidence of the recurrence of economic cycles in the history of the peoples of antiquity, sought to understand the principles of historical determinism. Following Klyuchevsky, Khvostov recognized the decisive role of the economic factor in the historical process and correlated with it all the other changes in the social life. As a result of the research, the authors prove that the affiliation of Khvostov's teachers to different schools of Russian historical thought could not but affect his approaches to solving the core issues of philosophy and gnoseology of history. The eclecticism and contradictions become apparent by comparing individual ideas presented in his works of different years. Nevertheless, Khvostov had his own academic priorities, and as an independent original scholar sought to respond adequately to the intellectual challenges of the boundary epoch of the late 19th and early 20th centuries and make adjustments to his theoretical approaches.

Keywords: M.M. Khvostov, P.G. Vinogradov, V.I. Guerrier, V.O. Klyuchevsky, methodology of historical research, Moscow University.

Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) принадлежит к числу видных провинциальных историков конца XIX — начала XX в., получивших в Московском университете не только формальное историческое образование, но и впитавших в себя многие теоретико-методологические установки, которыми руководствовались его научные наставники.

Мировоззрение М.М. Хвостова и его профессиональная биография не раз привлекали внимание специалистов¹. Наше обращение к интеллектуальному наследию казанского профессора продиктовано не только приближающимся 150-летием со дня его рождения и 100-летием памяти о нем, но и попыткой на основе компаративного анализа научных трудов М.М. Хвостова и его ученых наставников разобраться в том, что и как из унаследованных научных и образовательных традиций московских преподавателей было использовано им в дальнейшей профессиональной деятельности. Данная публикация является также продолжением наших исследований, созданных в новом направлении истории интеллектуальной мысли и посвященных наукотворчеству видных российских историков конца XIX — начала XX в.²

М.М. Хвостов родился в 1872 г. в Керчи в семье известного юриста, выпускника Императорского Московского университета. В двухлетнем возрасте будущий историк потерял отца, но это не помешало семье дать ему достойное образование: сначала домашнее, а затем и гимназическое. Окончив Керченскую гимназию в 1891 г., золотой медалист без труда поступил на историко-филологический факультет Московского университета³. Его учителями были выдающиеся профессора, блестящие ученые с мировой славой П.Г. Виноградов (1854–1925), В.И. Герье (1837–1919), В.О. Ключевский (1841–1911). Им М.М. Хвостов был обязан и «выработкой общего исторического мирозерцания»⁴, и отличными познаниями в древней

¹ См., например: *Бессмертный Ю.Л., Хвостова К.В.* М.М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // *История и историки. Историографический ежегодник. 1977* / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1980; *Матвеева И.Н.* К вопросу о научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова // *Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1968. Вып. 3; Фролов А.Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 175–396; *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979.

² *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Вопросы теории исторического познания в трудах Р.Ю. Виппера // *Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 101–118; Перфилова Т.Б.* Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В.П. Бузескула. Ярославль, 2007; *Перфилова Т.Б.* Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф.Ф. Зелинского. Ярославль, 2009.

³ *Шофман А.С.* Указ. соч. С. 7.

⁴ *Хвостов М.М.* История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.). Казань, 1907. С. XXVII.

истории⁵, и крепкими навыками работы с историческими свидетельствами, что позволило ему в дальнейшем создать свои рекомендации о «познавательных путях, при помощи которых мы в состоянии познать прошлое человеческих обществ»⁶.

Особо доверительные и теплые отношения сложились у студента Хвостова с Павлом Гавриловичем Виноградовым, которого во введении к магистерской диссертации он называл своим первым учителем по Московскому университету, сообщая при этом, что лекции уважаемого профессора и «занятия в его семинарии легли в основу моего исторического образования»⁷. Целеустремленность способного, добросовестного, начитанного студента, показывавшего отличные знания по всем курсам и отмеченного за успехи именной стипендией⁸, не могли оставить равнодушным и масти того ученого, который стал делиться с воспитанником и своим пристрастием к общественно-политическим проблемам истории, и своими убеждениями, формировавшимися в лоне классического позитивизма⁹.

Если сравнивать научно-исторические и мировоззренческие позиции М.М. Хвостова и его многоопытного наставника, то трудно не заметить того, как много их сближало.

К примеру, П.Г. Виноградов был уверен в том, что история представляет собой не «капризное сплетение разнокалиберных событий», а является выражением «строгой внутренней необходимости»¹⁰. Эту необходимость историческому процессу сообщают «глубокие движущие силы»: социальные и политические «идеи и учреждения», экономические устои, правовые отношения. Хотя профессор никогда специально не выделял материальные условия жизни людей среди других исторических сил, участвовавших в развитии древних обществ, его интерес к проблеме социально-экономической эволюции даже позволил Н.И. Кареву обвинить своего коллегу в том

---

⁵ Профессора П.Г. Виноградов и В.И. Герье известны в науке как медиевисты и специалисты по истории Нового времени, но в период обучения М.М. Хвостова в Московском университете они читали курсы по истории Древней Греции и Рима. См.: *Карев Н.И.* Памяти двух историков // *Анналы: журнал всеобщей истории.* 1922. № 1. С. 158, 164; *Матвеева И.Н.* Указ. соч. С. 146.

⁶ *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. 2-е изд. М., 2011. С. 85.

⁷ *Хвостов М. М.* История восточной торговли греко-римского Египта. С. XX-VII.

⁸ *Шофман А. С.* Указ. соч. С. 7, 8.

⁹ *Малинов А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005. С. 56–57.

¹⁰ *Виноградов П.Г.* Фюстель де Куланж. Итоги и приемы его ученой работы // *Русская мысль.* 1890. Кн. 1. С. 84.

«грехе», что он «держится исторической теории, довольно близкой к так называемому экономическому материализму»¹¹.

Для М.М. Хвостова изучение экономического быта народов древности и обусловленных им социально-политических процессов¹², отношений и структур превратилось в научное кредо.

П.Г. Виноградов, следуя позитивистской исторической парадигме, исходил из методологического монизма наук о природе и наук о культуре. Он использовал биологические аналогии применительно к развитию общества: считал общество разумным организмом; в «расчленении» общества на профессии, состояния, сословия видел проявления «дифференциации функций и дифференциации строения», а в совместной деятельности классов — иллюстрацию процесса интеграции стремящихся к слаженности частей и функций организма¹³; переносил на общество закономерности, свойственные миру живой природы, в частности, утверждал естественность, органичность, плавность всех изменений, происходивших в социальной среде¹⁴. Ученый был поборником идеи «глобального эволюционизма»¹⁵, причем не видел принципиальной разницы между эволюцией и прогрессом и, кроме того, не сомневался в прогрессивном характере всех общественных изменений, расценивая их как симптомы совершенствования общечеловеческой культуры¹⁶.

Органическое видение исторического процесса, при котором общество представлялось эволюционно развивающимся организмом, имплицировало не только научные воззрения, но и идейно-политическую ориентацию П.Г. Виноградова: приверженность умеренному либерализму. Он был решительным противником революционных потрясений, рассматривая их как патологию, зло, стихийную силу, разрушавшие органическую целостность и общества, и государства¹⁷.

М.М. Хвостов, хотя и относился ко второй генерации ученых-позитивистов, разделял практически все перечисленные убеждения

---

¹¹ *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.). Гродно, 2003. С. 28.

¹² См., например: *Хвостов М.М.* Э. Мейер. Экономическое развитие Древнего мира. Перевод под ред. М.О. Гершензона. СПб., 1898 // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. 1898. № 5–6. Май, июнь. С. 91.

¹³ *Виноградов П.Г.* О прогрессе // Виноградов П.Г. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Антощенко. М., 2010. С. 66, 72.

¹⁴ Там же. С. 66, 67.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 77–81.

¹⁷ *Антощенко А.В.* Россия на переломе (о проблемах российской истории в публицистике П.Г. Виноградова) // Виноградов П.Г. Россия на перепутье: Историко-публицистические статьи / Сост., предисловие, коммент. А. В. Антощенко. М., 2008. С. 37, 38, 41, 42.

своего учителя. Он даже позже своих современников¹⁸ отказался от использования понятия «прогресс» в отношении исторического процесса и не считал предосудительным сохранение в лекционных курсах оценочных выражений — «прогрессивные взгляды», «прогрессивные технологии», выражая тем самым свою принадлежность к «либеральной русской интеллигенции»¹⁹.

М.М. Хвостову оказался близок и идеал позитивистской гносеологии, который в своих исследованиях воплощал П.Г. Виноградов. Профессор, следуя «запросу [времени] на осмысленное изложение исторических фактов», связывал свои надежды на создание подлинной исторической науки с обструкцией метафизики²⁰, выполнением позитивистских требований точности и, как в естественных дисциплинах, безошибочности результатов исследования, обеспечением строгой объективности выводов²¹, умением приводить исторические явления в стройную, внутренне обусловленную связь²². Не доверяя общим теориям историко-философского и отвлеченно-социологического характера из-за слабой обоснованности их теоретических положений, П.Г. Виноградов, тем не менее, считал важным делом ученых открытие исторических законов²³, способных, по его мнению, «внести ясность и принципиальность в хаотическое многообразие исторического материала», а потому и был не прочь возложить эту функцию на социологию²⁴.

Запрос на создание новой науки об истории общества оказался понятен М.М. Хвостову, который с энтузиазмом принялся разрабатывать востребованную «реалистически мыслящими» учеными модель социологической истории, основанную на широких обобщениях эмпирического материала, истолковывавшегося с позиции открытых социологических закономерностей в отношении движу-

---

¹⁸ Исключение составляет М.М. Ковалевский. См.: Сафронов Б.Г. М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960. С. 101–194.

¹⁹ Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 24.

²⁰ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 35, 56.

²¹ Виноградов П.Г. История Греции. Курс лекций, читанных на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета. М., 1892–1893. С. 7, 23, 121.

²² Нечухрин А.Н. Указ. соч. С. 14, 15.

²³ В курсе лекций «История Греции» мы обнаружили три таких закона, которые профессор называл «всемирно-историческими»: «всякое завоевание... имеет обязательным последствием социальное неравенство, появление привилегированного класса победителей и угнетенного — побежденных»; «продолжительная военная деятельность обязательно выдвигает олигархию и даже единовластие»; «под влиянием постоянной военной потребности внутренняя жизнь государства начинает перестраиваться в... направлении» успешного удовлетворения военных задач. См.: Виноградов П.Г. История Греции. С. 107, 273, 287, 288.

²⁴ Виноградов П.Г. О прогрессе. С. 35.

щих исторический процесс сил. К ним он относил «природу страны, рост народонаселения, влияние соседей, потребности индивидов, составляющих общество, и деятельность этих индивидов, направленную к удовлетворению их потребностей, формы общественной организации, уровень знаний об обществе, степень сознательного воздействия общества на свою структуру»²⁵.

Все отмеченные нами совпадения в организации дискурса наставника и ученика свидетельствовали о преемственности воплотившегося в наукотворчестве М.М. Хвостова осмысления исторического процесса и способов его познания, что и позволяло современникам отнести его к «школе» П.Г. Виноградова²⁶.

Разумеется, степень влияния учителя на ученика не следует преувеличивать. М.М. Хвостов был самостоятельным мыслителем, который следовал своим научным приоритетам, стремился реагировать на интеллектуальные запросы рубежной эпохи, а они вносили коррективы в неосознанно воспринятые в студенческие годы исторические идеи и теоретические представления.

Чтобы убедиться в этом, мы проанализируем лекционные курсы по истории Древней Греции, разработанные П.Г. Виноградовым и М.М. Хвостовым.

Первое издание «Истории Древней Греции» М.М. Хвостова относится к 1908 г.²⁷; учебник его наставника под одноименным названием появился в 1893 г. Казалось бы, разрыв в пятнадцать лет для изложения давно минувшей истории — ничтожно малый срок, но разница в отборе, систематизации, интерпретации содержания курса настолько очевидна, что создается впечатление, что появление учебной продукции учителя и ученика разделяла целая эпоха..

М.М. Хвостов предстает перед нами как апологет социально-экономического направления историографии античности, П.Г. Виноградов — как сторонник социально-политической истории²⁸. М.М. Хвостов разделял широко распространенную на рубеже веков концепцию

---

²⁵ Хвостов М.М. История Греции: Курс лекций. Изд. 3-е, испр. М., 2007. С. 23.

²⁶ Грацианский Н.П. Памяти М.М. Хвостова: Речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1921. Т. XXXI. Вып. 1–3. С. 92.

²⁷ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 101. Переработанный вариант курса появился в 1917 г.

²⁸ Достаточно взглянуть на структурирование материала лекций, посвященных исторической реконструкции Гомеровской эпохи. П.Г. Виноградов завершает изложение раздела о древнейшем прошлом Эллады в освещении «Илиады» и «Одиссеи» (лекции 6–9) «материальной организацией общества» (с. 80–83), в то время как начинает с «политического устройства гомеровского общества» (с. 61–74) и «социальных разграничений» (с. 74–80). У М.М. Хвостова, напротив, тема VIII «Греческое Средневековье» открывается (после разбора «Гомеровского вопроса») изложением «хозяйственного строя» гомеровского общества (с. 106–117). Затем следует параграф

феодализма в Древнем мире и трактовал внутривосточную борьбу в Афинах и других передовых греческих полисах как следствие потребности в ликвидации средневековых порядков²⁹. Для П.Г. Виноградова история Древней Греции — это часть истории Древнего мира, которую «можно объяснить с точки зрения постоянной эксплуатации рабского труда»³⁰. М.М. Хвостов на конкретном историческом материале стремился подтвердить полученные априорным путем социологические закономерности, в частности, обосновать факторную теорию исторического процесса. П.Г. Виноградов сам пытался формировать эмпирические обобщения, придавая им статус всемирно-исторических законов³¹. Убеждение в равноценности всех проявлений общественной активности, из которых сплетается ткань истории, помешало ему даже снабдить свой курс оглавлением: это потребовало бы от него отдать предпочтение одним событиям, явлениям, процессам и оставить в пренебрежении другие. Нет в его учебнике и названия лекций, и деления их на логические структурные звенья — разделы или параграфы.

М.М. Хвостов, следуя, как и его наставник, принципу эволюционизма и идее естественного происхождения всех «новообразований», не лишил свой курс периодизации, совмещавшей «историю состояний» и «историю событий», хотя и был скептически настроен к попыткам «искусственно» обозначать «переходы от одного периода к другому»³². В его лекциях наблюдается строгая последовательность изложения исторического процесса в греческих карликовых государствах: сначала разбираются экономические изменения, произошедшие в обозначенный период, затем рассматриваются взаимоотношения главных социальных «группировок»; характеристика политико-правовых институтов венчает «историю состояний».

Забота об адекватном восприятии студентами процессов исторической эволюции греческих полисов заставляла П.Г. Виноградова использовать многочисленные аналогии и сравнения, в том числе с современными ему революционным накалом страстей и партийной борьбой³³, но у него нет той безудержной, на наш взгляд, модернизации, которая под пером М.М. Хвостова лишает Древний мир его исторической уникальности и грубо искажает смысл внутривосточных коллизий, имевших место в Элладе.

«Родовые и племенные деления» (с. 117–130), плавно переходящий в параграф «Государственный строй» (с. 130–138).

²⁹ См., например, периодизацию древнегреческой истории (с. 35–37).

³⁰ Виноградов П.Г. История Греции. С. 110. Аналогично: с. 79, 80.

³¹ Там же. С. 107, 273, 287, 288.

³² Хвостов М.М. История Древнего Востока / Под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд. Л., 1927. С. 5.

³³ Виноградов П.Г. История Греции. С. 31, 108, 143, 147, 178, 180, 269, 341, 453 и др.

П.Г. Виноградов был гораздо искушеннее М.М. Хвостова как оратор и стилист: если лекции М.М. Хвостова своими строгостью и лаконичностью напоминают конспект, то у его научного руководителя они воспринимаются как захватывающий, полный драматизма рассказ.

Несмотря на эти различия, печать «школы» П.Г. Виноградова в «Истории Греции» М.М. Хвостова всё же присутствует. Он, как и его более опытный преподаватель, концентрировал внимание на глубинных процессах внутривосточного развития мира греческих полисов, оставляя в тени духовный мир эллинов; он так же в меньшей степени был увлечен «изображением» событий, даже эпохальных, сосредоточивая максимум усилий на анализе «истории состояний», или «разрезе исторической жизни»³⁴, а если и осуществлял разбор «фактов из истории общества»³⁵, то предпочитал комментировать их как проявление «борьбы партий». И П.Г. Виноградов, и М.М. Хвостов придерживались принципа историзма, стремясь «увидеть» воссоздававшиеся процессы и явления глазами самих греков³⁶. Они оба являлись сторонниками проблемного изложения общественной эволюции обитателей Балканского полуострова; и тот и другой инкорпорировали в тексты учебников фрагменты источников на древнегреческом языке и давали детальное, особенно П.Г. Виноградов³⁷, истолкование смысла отдельных слов и предложений, формируя тем самым у студентов навыки критического анализа древних авторов. Оба преподавателя предстают перед нами высококвалифицированными учеными, знатоками новейшей зарубежной историографии античности³⁸, достойными представителями исторической науки конца XIX — начала XX в., вовлеченными в процесс обновления ее теоретико-познавательных основ³⁹.

³⁴ Там же. С. 247.

³⁵ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 28.

³⁶ Виноградов П.Г. История Греции. С. 153; Хвостов М.М. История Греции. С. 190–192.

³⁷ Виноградов П.Г. История Греции. С. 159, 167–176, 277–279; Хвостов М.М. История Греции. С. 132–133, 135.

³⁸ У М.М. Хвостова специальный раздел учебника был посвящен «Новой историографии в области греческой истории» (С. 21–35). Автор выделил три периода в развитии научных представлений об истории Древней Греции: 1) с эпохи возникновения историографии до второй половины XVIII в.; 2) со второй половины XVIII в. до 80-х гг. XIX в.; 3) с 80-х гг. XIX в. «до нашего времени» (1917 г. — М.Н., Т. П.). См.: Хвостов М.М. История Греции. С. 23–41.

П.Г. Виноградов в историографическом разделе своего учебника назвал только трех авторов как «главных историков Греции... Грота, Курциуса, Фюстель де Куланжа». См.: Виноградов П.Г. История Греции. С. 4–9.

³⁹ В учебнике П.Г. Виноградова большой интерес представляют рассуждения о «толпе» («массе») и гении (с. 219, 278), попытки внести ясность в использование понятия «культура» (с. 6, 350) и смысловое различие понятий «класс» и «сословие» (с. 187–193, 259–261).

Ученик М.М. Хвостова Н.П. Грацианский сообщал об искренней заинтересованности П. Г. Виноградова в успешности научной карьеры одного из своих самых лучших воспитанников. По его представлению в 1895 г. М.М. Хвостова оставили при кафедре всеобщей истории Московского университета для «приготовления» к профессорскому званию. «Под его же ближайшим руководством, — свидетельствовал Н.П. Грацианский, — Михаил Михайлович готовился к магистерскому экзамену. Год удаления П.Г. Виноградова из Московского университета⁴⁰ был и годом ухода из Москвы самого М.М. Хвостова⁴¹, который вновь благодаря протекции — рекомендательному письму своего уважаемого научного руководителя, в 1900 г. был приглашен для работы приват-доцентом в Императорский Казанский университет.

Возвращаясь к студенческим годам М.М. Хвостова, обратим внимание на то, что к профессорам старшего поколения, чей вклад в формирование историко-философских воззрений М.М. Хвостова был особенно заметен, помимо П.Г. Виноградова, следует отнести также Владимира Ивановича Герье. Его справедливо считают «основателем русской школы в области всеобщей истории»⁴². Именно В.И. Герье и его ученики завоевали на Западе признание русской исторической школе⁴³. Хотя В.И. Герье был последователем гегельянства и долгое время не признавал позитивизм⁴⁴, его научная основательность, разносторонняя образованность, умение ставить научные вопросы широко и решать их с философским уклоном, не могли не привлечь вдумчивого студента к одному из корифеев историко-филологического факультета.

Изучая наследие М.М. Хвостова, мы без труда обнаружили рецепции исторических идей и убеждений именитого профессора в его теоретико-методологических позициях. Одной из генеральных идей В.И. Герье, разделявшейся всеми его учениками и Хвостовым в том числе, была мысль об органичности исторического процесса. Из лекционного курса «Римская история»⁴⁵ М.М. Хвостов мог извлечь важную для его дальнейшей работы информацию о семантиче-

---

⁴⁰ См.: Антощенко А.В. Павел Гаврилович Виноградов // Виноградов П.Г. Избранные труды. М., 2010. С. 10–14.

⁴¹ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 92; подробнее см: Цыганков Д.А., Наумов П.Ю. Ученики П.Г. Виноградова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Т. 89. № 4. С. 128–129.

⁴² Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Ч. 1. Л., 1929. С. 153.

⁴³ Подробнее см.: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.

⁴⁴ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 78.

⁴⁵ Герье В.И. Римская история. Литографированное изд. СПб., 1879. С. 72.

ской близости понятий «органическое» и «историческое»: оба они указывали на развитие, происходившее исподволь, естественно и непрерывно, без резких потрясений. Любой процесс (или явление) в свете органической теории имел свойство вызревать постепенно, сохранять связь и преемственность со своей исходной формой; любое самое грандиозное событие не возникало на пустом месте — оно было подготовлено всем предшествующим ходом развития, являлось результатом никогда не прекращающейся органической эволюции⁴⁶.

М.М. Хвостов как истинный последователь позитивистской философии не мог не оценить этих рассуждений В.И. Герье, которые к тому же соответствовали принципу непрерывности исторического процесса в изложении основателей «положительной» науки О. Конта и Г. Спенсера. Он, хотя и вынужден был признать роль «катастроф» в разрыве плавной и поступательной линии общественной эволюции⁴⁷, всё же проповедовал непреходящее значение для культурного прогресса гражданского мира, необходимость преодоления социально-политических кризисов мирными усилиями, путем реформ⁴⁸.

При рассмотрении вопроса о роли личности в истории, не терявшего своей актуальности в обществоведческом дискурсе на протяжении столетий, мы также можем наблюдать совпадение позиций В.И. Герье и М.М. Хвостова. Даже в тех случаях, когда будущий казанский профессор эксплицирует связь своей трактовки личностного фактора в историческом процессе исключительно с концепцией Ю. Белоха⁴⁹, у него, как и у В.И. Герье, рассуждения построены на признании взаимовлияния исторического гения и среды. Подобно тому, как обстоятельства способствуют выдвиганию из «массы» выдающихся исторических персонажей, способных претворить новые прогрессивные идеи в жизнь, так и герои осознают и выражают потребности времени лучше своих современников, поэтому при отсутствии крупных общественных деятелей ход истории принимает другие очертания⁵⁰.

Подобно В.И. Герье, М.М. Хвостов выступал как против недооценки, так и против переоценки значимости воздействия индивида на ход истории. Не без влияния В.И. Герье М.М. Хвостов в одной из самых важных своих работ, в статье «К вопросу о задачах истории», развивал мысль своего учителя о том, что личность вносит в историю не поддающийся изучению усилиями точной

---

⁴⁶ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. С. 93.

⁴⁷ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 24, 25.

⁴⁸ Шофман А.С. Указ. соч. С. 45–48.

⁴⁹ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 78–81.

⁵⁰ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера ... С. 96, 97.

«положительной» науки иррациональный элемент⁵¹. Рассуждая на эту тему в контексте познания факторов общественной эволюции, М.М. Хвостов пришел к выводу о недостижимости индивидуальной психологии отдельных личностей из-за невозможности учесть за-тейливые комбинации всех известных науке «двигающих» историю сил⁵². Это заключение заставило его более пристально отслеживать первичное состояние и последующие изменения коллективной психологии, выражавшиеся в трансформациях форм социального взаимодействия, разнообразных поведенческих реакциях, искать корни социальности в человеческой психике и увлекаться психологическим редукционизмом⁵³.

Кстати сказать, В.И. Герье еще в 1865 г. в «Очерке развития исторической науки» поставил под сомнение те социологические теории, которые опираются исключительно на естественнонаучную трактовку общественных процессов, акцентируя весомость одних лишь объективных непреодолимых законов и материальных причин. Он считал обязательным при построении исторической доктрины учитывать «дополнительные начала к исторической необходимости» в виде волеизъявления, целеполагания, т.е. сознательных усилий людей, влияющих своими идеалами на историческое движение и его организацию. В рациональных и психологических началах профессор даже склонен был видеть причины многих явлений, дополнявших и конкретизировавших историческую необходимость⁵⁴. Таким образом, В.И. Герье одним из первых в России обозначил «промежуточный статус» истории. С одной стороны, история, изучающая социологические процессы, ради достоверности выводов использует методы естественных наук. С другой стороны, она обязана учитывать и субъективный момент, связанный с осмыслением мотивов и поступков человека, и на этом поприще апелляция к законам и принципам номотетического естествознания лишена всякого смысла⁵⁵.

Обозначив несводимость истории ни к чисто теоретическим, ни к сугубо описательным наукам, мыслитель мог возбудить интерес своего воспитанника к философско-историческим вопросам, в частности и к проблеме конструирования образа истории в сознании исследователя⁵⁶. Во всяком случае, впервые о «преломлении» истории, т.е. о ее невольном искажении историком в творческом процессе «расцве-

---

⁵¹ Там же. С. 87.

⁵² Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 819, 820.

⁵³ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 13, 14.

⁵⁴ Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865. С. 14, 107–114.

⁵⁵ Там же. С. 113, 114.

⁵⁶ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 22, 23.

чивания» прошлого или тенденциозного осовременивая на потребу дня⁵⁷, М.М. Хвостов мог узнать на занятиях профессора В.И. Герье.

Разносторонне образованный ученый, «с прекрасной классической подготовкой и хорошим знанием новых языков» обладал еще и «строгим критическим методом, приобретенным им продолжительной работой над источниками под руководством немецких профессоров». На знаменитых семинариях историка вырабатывались навыки источниковедческого и историографического анализа, обсуждались рефераты, составленные на основе самостоятельного разбора учащимися литературных памятников, осуществлялись переводы работ ведущих европейских ученых. «Профессорским стипендиатам» — лучшим выпускникам, оставленным на историко-филологическом факультете для подготовки магистерских диссертаций, особенно важны были приёмы критики источников, которыми в совершенстве владел преподаватель⁵⁸. Многократно апробированные М.М. Хвостовым во время учебного процесса, они составили тот нетленный багаж сугубо профессионального исследовательского опыта, который выгодно отличал его от коллег по Казанскому университету⁵⁹.

Создавая свой преподавательский имидж, в котором особенно выделялись такие качества, как серьезность, вдумчивость, академизм⁶⁰, М.М. Хвостов также мог позаимствовать их у патриарха Московского университета, которого ценили за методическую строгость, основательность, точность и доказательность мыслей, умение сформировать у питомцев добросовестное, ответственное отношение к предмету исторического исследования⁶¹.

Что касается человеческих качеств: доброжелательности по отношению к студентам, уравновешенности, желания в трудных ситуациях придти к ним на помощь⁶² — а в этих душевных щедротах М.М. Хвостов, действительно, был неповторим, — то образцом для подражания, вне сомнения, для него являлся П.Г. Виноградов. Равных ему по благорасположению к людям на историко-филологическом факультете старейшего университета России не было⁶³, и, к чести казанского профессора, лучшее в профессиональном облике его ближайшего учителя не ускользнуло от его внимания.

---

⁵⁷ Герье В.И. Очерк развития исторической науки. С. 113.

⁵⁸ Ковалевский М.М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 495, 496.

⁵⁹ Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 103, 104.

⁶⁰ Там же. С. 91.

⁶¹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России ... С. 153; Кареев Н.И. Указ. соч. С. 160.

⁶² Грацианский Н.П. Указ. соч. С. 91, 104.

⁶³ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. С. 83.

Называя преподавателей, участвовавших в формировании исторического мировоззрения М.М. Хвостова и оставивших заметный след в его профессиональной биографии, мы не можем не вспомнить также знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского. Являясь крупнейшим в XIX в. специалистом по русской истории, ключевой фигурой Московской исторической школы, он воспринимался благодарными учениками и как историк-философ, и как психолог, и как последователь социально-экономического подхода к осмыслению исторической эволюции⁶⁴. Его привлекало изучение процесса развития социальных структур, но не всего человечества, а конкретного народа и выяснение влияния равнозначных сил, или факторов, в многообразии своих комбинаций «создающих и направляющих людское общежитие»⁶⁵. По сформированной позитивизмом мыслительной привычке он легко сближал исторические явления с физико-биологическими⁶⁶, но это не увело его в сторону априорного социологического схематизма, недооценивавшего особенные и уникальные образцы культуры, существовавшие в истории человечества. Напротив, только индивидуальное и неповторимое, как в событиях отдельных народов, так и в общем ходе их эволюции, служило для него показателем проявления общих и неизменных законов человеческого общежития⁶⁷.

В.О. Ключевский, как и многие интеллектуалы второй половины XIX в., увлекался позитивистской социологией, но он не относил ее к разряду абстрактных наук, способных подчинить себе историческое исследование. Напротив, он включал социологию в состав исторической науки, сближал ее с конкретной историей, превращал в историческую социологию, предназначенную для познания «тайны исторического процесса», т.е. для объяснения «многообразных и изменчивых... сочетаний внешних и внутренних условий развития, которые складываются... для того или другого народа на более или менее продолжительное время»⁶⁸.

Многомерность исторического процесса, проявлявшаяся в разнообразии постоянно действовавших и одновременно развивавшихся исторических связей, потребовала от ученого разработки новой, действенной методики изучения явлений и событий прошлого. Она заключалась в выявлении их происхождения и анализе процесса

---

⁶⁴ Там же. С. 42, 44.

⁶⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории (Лекции I–IV) // Ключевский В.О. Избранное / Сост., авторы вступ. ст. и комм. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М., 2010. С. 43; Он же. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории // Там же. С. 635.

⁶⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 43, 44.

⁶⁷ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера ... С. 51, 54, 57, 58.

⁶⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 46, 47.

развития при помощи привлечения надежных источников, а в случае их недостатка — использования ретроспективных операций: от последствий перехода к истокам разнообразных проявлений исторического процесса⁶⁹.

Называя себя историком-социологом⁷⁰, В.О. Ключевский выражал готовность изучать экспликацию малоподвижных начал человеческого общежития, образующихся из сложения «основных исторических сил»: «человеческой личности», общества, природной среды⁷¹. Никаких других регуляторов, которые сводили бы все исторические явления к причинам и следствиям и незримо, наподобие универсальных законов природы, управляли бы общественной эволюцией, он не признавал⁷². Более того, сомневаясь в том, что историю когда-либо можно будет представить в виде «разумно-сознательного, планомерного процесса» вместо «народно-психологического» состояния с постоянной сменой «настроений и движений»⁷³, он отрицал полезность для исторической науки философии истории и любые попытки истолкования исторического процесса с точки зрения философских абстракций или мистических сил считал профанацией⁷⁴. Всё его внимание было приковано к локальной истории с твердо очерченными пространственно-временными границами, где можно было выяснить действие исторических сил и, зная, что «каждая из этих сил вносит в состав общежития свой запас элементов и связей», выявлять из их состава первичные — простые — и вторичные — производные — компоненты, абсолютно не подверженные влиянию знаменитых персонажей⁷⁵.

М.М. Хвостов, так же, как и В.О. Ключевский, отказавшийся от всемирно-исторического подхода в пользу исторической эмпирии — изучения исторических процессов в конкретных древневосточных и античных цивилизациях, отчасти демонстрировал связь с историко-социологическим учением профессора, хотя в целом его представления об общественной эволюции имели и существенные отличия. Он развил идеи своего наставника о движущих силах, вызывавших социальные изменения, но делал это не просто как

---

⁶⁹ *Историография истории России до 1917 г.: в 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. Т. 2. М., 2004. С. 169–171.*

⁷⁰ *Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 55.*

⁷¹ Там же. С. 47, 48.

⁷² *Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 634, 635.*

⁷³ Там же. С. 635.

⁷⁴ *Волобуев О.В., Морозов А.Ю. Василий Осипович Ключевский // Ключевский В.О. Избранное. М., 2010. С. 21.*

⁷⁵ *Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 48, 49.*

историк, а исключительно как обществовед, не довольствовавшийся исторической социологией, но создававший свою социологическую историю⁷⁶. М.М. Хвостов не занимался, подобно московскому профессору, выяснением наличия общечеловеческих постоянных законов исторического развития, но всё же искал у народов древности повторяемость экономических циклов и тождество имевшихся внутри них фаз аналогичных изменений, наличие схожих стадий и этапов в усложнявшемся общественно-политическом устройстве. Ему также важно было понять принципы исторического детерминизма, поэтому ко всем импульсам, управлявшим, по его мнению, сменой исторических явлений, он относился очень серьезно. Объяснение исторического процесса во всей системной целостности выступает у него как важная методологическая потребность и приобретает социологическое значение.

То, что действительно сближало уважаемого профессора и начинающего ученого, заключалось в единстве логической модели исторического исследования: они оба признавали решающую роль экономического фактора в историческом процессе, с ним соотносили все прочие изменения в жизни общества, причем В.О. Ключевский стал одним из первых профессиональных историков России, кто начал утверждать примат экономического начала над политическим⁷⁷, правда, делал это только применительно к русской истории.

Именно В.О. Ключевский, отводивший решающую роль в историческом процессе коллективному началу⁷⁸, посеял сомнение в сознание М.М. Хвостова в отношении признания в исторической личности мощной силы, способной преломить плавный ход общественной эволюции⁷⁹. В своих «Лекциях по методологии...» М.М. Хвостов, используя многочисленные примеры из русской и зарубежной истории о соотношении индивидуальных и коллективных «факторов», пришел к заключению о неспособности даже самого гениального человека «произвести значительные перевороты в состояниях»: изменить хозяйственный уклад, уже обозначившиеся

---

⁷⁶ Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. С. 821, 824; Он же. Лекции по методологии и философии истории. С. 51.

⁷⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. С. 63–66. Ю.В. Готье не включил М.М. Хвостова в число последователей В.О. Ключевского. См.: Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 140.

⁷⁸ Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Вишера ... С. 59.

⁷⁹ В своих «Лекциях по методологии и философии истории» М.М. Хвостов упоминает имя В.О. Ключевского именно в разделе «События и состояния». Мы читаем: «В “Курсе русской истории” профессора Ключевского изложение так же (как у Милюкова, Ф. де Куланжа. — М.Н., Т.П.) чаще сводится к характеристике состояний, а не событий» (С. 23).

тенденции магистрального развития политической, идеологической и даже научной жизни он был не в состоянии⁸⁰.

Интерес В.О. Ключевского к теории исторического познания, противопоставление естественных наук обществензнанию по линиям цели и задач, а также пределам и приёмам познавательных стратегий⁸¹ предопределили важность для М.М. Хвостова обращения к гносеологической проблематике. Его самая показательная в этом плане статья «К вопросу о задачах истории» была опубликована в сборнике, посвященном тридцатилетию преподавательской деятельности в Московском университете «учителя и старшего товарища... гордости русской науки» В.О. Ключевского⁸². «Ощущение крепкой духовной связи» с одаренным наставником, талантливым ученым, непревзойденным «художником-стилистом»⁸³ в этой работе присутствует наиболее выпукло.

Не только В.О. Ключевский, но и другие названные М.М. Хвостовым и упомянутые нами его наставники составляли славу и гордость Московского университета. Им он был обязан приобщением к глубокой культурной традиции: высокому профессионализму и преданности науке, им был признателен за овладение секретами производства исторического наукоучения. Творчески перерабатывая наиболее популярные в XIX в. исторические идеи и философские теории, они заложили фундамент исследовательской деятельности М.М. Хвостова, сформировали «исторически выправленное мышление»⁸⁴, сориентировали на изучение наиболее важных для России того времени научных проблем, указали самые плодотворные, в их восприятии, методы организации познавательной деятельности и труда историка, заронили потребность обогащать свое сознание философскими и социологическими учениями Запада. Благодаря мудрым и многоопытным учителям, М.М. Хвостов овладел теорией континуитета, идеей существования многочисленных комбинаций исторических сил, своими причудливыми «сцеплениями» определявших ход и темпы исторического развития народов, убеждением в равнозначности материальных и духовных факторов в жизни общества. Он сформировался адептом «истории состояний», скептически относившимся к влиянию личности «героя» на эпоху, сотворившую его, и был готов, отбрасывая мистику и схоластику, искать первоначала процесса общественной эволюции в экономическом быте людей, материально ощущаемой среде их обитания.

---

⁸⁰ Хвостов М.М. Лекции по методологии и философии истории. С. 78–83.

⁸¹ Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 638.

⁸² Хвостов М.М. К вопросу о задачах истории. С. III.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ключевский В.О. Дневники, дневниковые записи, мысли об истории. С. 648.

Однако не будем забывать, что при всем богатстве знаний, профессионального мастерства, исследовательского опыта преподаватели историко-филологического факультета, с которыми М.М. Хвостов имел честь сотрудничать с 1891 по 1900 г., принадлежали к разным течениям русской исторической мысли, по-своему решали узловые вопросы философии и гносеологии истории: П.Г. Виноградов и В.О. Ключевский — с позиций позитивистской программы, Р.Ю. Виппер — с точки зрения неокантианства и родственных ему теоретических подходов к осмыслению исторического процесса, В.И. Герье — при помощи взглядов, близких гегельянству и историческим ориентациям Б.Н. Нибура и Л. Ранке⁸⁵.

Вращаясь в этой насыщенной взаимоисключающими воззрениями интеллектуальной среде, М.М. Хвостов, как и любой другой студент, не мог разобраться в идейном диссонансе исследовательских парадигм, а потому и избежать проникновения в его мировоззрение ростков эклектизма. То, что в неотрефлексированном виде было заложено системой образования, тем не менее, пустило глубокие корни и проявилось уже в профессиональной деятельности историка, которая грешила «значительными противоречиями», особенно заметными в его «историко-философской концепции»⁸⁶.

References

Antoshchenko A.V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov* // Vinogradov P.G. *Izbrannyye trudy* [Selected works] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 5–32.

Antoshchenko A.V. *Rossiya na perelome (o problemakh rossiyskoy istorii v publitsistike P.G. Vinogradova)* [Russia at a Crossroads (On Issues of Russian History in P.G. Vinogradov's Journalism)] // Vinogradov P.G. *Rossiya na pereput'ye: Istoriko-publitsisticheskiye stat'i* [Russia at the Crossroads: Historical and Publicistic Articles] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: Territoriya budushchego, 2008. P. 9–46.

Bessmertnyy Yu.L., Khvostova K.V. *M.M. Khvostov i yego vzglyady na istoriyu zapadnoyevropeyskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lektsiy)* [M.M. Khvostov and His Views on the History of Western European Heasantry (Based on the Materials of Unpublished Lecture Course)] // *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskiy yezhegodnik. 1977* [History and Historians. Historiographical yearbook. 1977] / Ed. by M.V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1980. P. 322–345.

Buzeskul V.P. *Vseobshchaya istoriya i yeye predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX v.* [World History and Its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries]. In 2 parts. P. 1. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1929. 218 p.

---

⁸⁵ Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 23; Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера ... С. 78, 79, 82.

⁸⁶ Матвеева И.Н. Указ. соч. С. 145.

- Frolov A.D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian Science about Antiquity]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbU, 1999. Chapters 7, 8. P. 175–396.
- Grishina N.V. “Shkola V.O. Klyuchevskogo” v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kul'ture [“V.O. Klyuchevsky's School” in Historical Science and Russian Culture]. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2010. 288 p.
- Istoriografiya istorii Rossii do 1917 g.: v 2 t.* [Historiography of Russian History until 1917: in 2 vols.] / Ed. by M.Yu. Lachayeva. Vol. 2. Moscow: Vlados, 2004. 383 p.
- Malinov A.V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov: Sotsial'no-istoricheskaya i metodologicheskaya kontseptsiya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-Historical and Methodological Concept]. Saint Petersburg: Nestor, 2005. 202 p.
- Malinov A.V., Pogodin S.N. *Aleksandr Lappo-Danilevskiy: istorik i filosof* [Alexander Lappo-Danilevsky: Historian and Philosopher]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB, 2001. 285 p.
- Matveyeva I.N. *K voprosu o nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti M.M. Khvostova* [On the Academic and Pedagogical Activity of M.M. Khvostov] // *Voprosy istoriografii vseobshchey istorii* [Issues of World History Historiography]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968. Issue 3. P. 145–153.
- Nechukhrin A.N. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy rossiyskoy pozitivist-skoy istoriografii (80-ye gg. XIX v. — 1917 g.)* [Theoretical and Methodological Foundations of Russian Positivist Historiography (the 80s of the 19th Century — 1917)]. Grodno: GrGU, 2003. 349 p.
- Novikov M.V., Perfilova T.B. *Voprosy teorii istoricheskogo poznaniya v trudakh R.Yu. Vipper* [Issues of Theory of Historical Cognition in the Works by R.Yu. Vipper] // *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*. 2012. № 2. P. 101–118.
- Perfilova T.B. *Emanatsii “kollektivnoy dushi” cheloveka antichnosti v nauchnykh refleksiyakh F.F. Zelinskogo* [Emanations of the “Collective Soul” of the Individual of Antiquity in the Thought of T. Zieliński]. Yaroslavl: Izdatel'stvo YaGPU, 2009. 300 p.
- Perfilova T.B. *Obraz afinskoy demokratiy v antikovedenii Novogo vremeni: interpretatsiya V.P. Buzeskula* [The Athenian Democracy in Classical Studies of the Modern Time: V.P. Buzesku's Interpretation]. Yaroslavl: Izdatel'stvo YaGPU, 2007. 400 p.
- Safronov B.G. *Istoricheskoye mirovozzreniye R.Yu. Vipper* i yego vremena [Historical Worldview of R.Yu. Vipper and His Time]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 221 p.
- Safronov B.G. *M.M. Kovalevskiy kak sotsiolog* [M.M. Kovalevsky as Sociologist]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 261 p.
- Shofman A.S. *Mikhail Mikhailovich Khvostov*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1979. 112 p.
- Tsygankov D.A. *Professor V.I. Guerrier i yego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and His Students]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 501 p.
- Tsygankov D.A., Naumov P.Yu. *Ucheniki P.G. Vinogradova* [P.G. Vinogradov's Disciples] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Ser. 2: *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2019. Vol. 89. № 4. P. 115–147.
- Volobuyev O.V., Morozov A.Yu. *Vasily Osipovich Klyuchevskiy* // *Klyuchevskiy V.O. Izbrannoye* [Selected Works] / Comp., intr. and comment. by A.V. Antoshchenko. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 5–38.